

АБДУСАЛАМ АБДУЛКЕРИМОВИЧ
ГУСЕЙНОВ

Без этики нет философии (Ответы на вопросы журнала «Логос»)

Абдусалам Абдулкеримович, тема, которую хотелось бы обсудить, связана с этикой, вернее, с генеральным вопросом о современном состоянии философской этики. Для начала сделаем небольшую преамбулу, чтобы очертить перспективу, из которой здесь ставится вопрос об этике.

Если мы вспомним историю современной философии, то обнаружим странное обстоятельство. А именно философы от Декарта до, скажем, немецкой классической философии и британского утилитаризма рассматривают этику как вершину философии, по отношению к которой все прочие философские дисциплины выполняют подчиненную, служебную роль. Согласно Декарту, именно этика должна венчать «древо науки»; «Этика» – главное произведение Спинозы; и даже для Канта теоретический разум подчинен в конечном счете практическому (мысль, получившая свое полное развитие в немецком идеализме).

На этом фоне современная философия выглядит как совершенно иной проект. Конечно, в немалом количестве выходят работы по этике. Но они не претендуют на то, чтобы действительно предложить обществу новую философски фундированную этику, или эти предложения так и остаются известными лишь узкому кругу специалистов философов. История этических учений или «метаэтика» (в смысле анализа этических высказываний) в среде профессиональных философов, похоже, свидетельствуют о том, что философия больше не в состоянии предложить миру новую этику. Исходя из примерно такой постановки проблемы, и хотелось бы задать Вам наши вопросы.

В целом, я принимаю в качестве исходного пункта нашего разговора ваше мнение о том, что современную ситуацию в этике можно адекватно понять только в широком историческом контексте философских опытов в этой области и что при таком взгляде она, эта ситуация, выглядит

как отступление, интеллектуальная капитуляция. Хочу только добавить: уроки философской этики прошлого — отнюдь не очевидная вещь, они сами еще нуждаются в осмыслении и адекватном истолковании. Кроме того, исторический контекст рассмотрения должен быть шире, по возможности предельно широким, во всяком случае его нельзя ограничивать Новым временем. Мы, конечно, находимся в Новом времени или, вернее сказать, выходим из него. Но само Новое время не было исходным пунктом.

Когда мы говорим о философии в этическом аспекте, надо четко различать два момента: этику как часть философии, особую философскую науку и этическую функцию, моральный пафос философии в целом.

Этика как часть философии, особая философская наука была вычлена Аристотелем, он дал ей имя и первую ее систематизацию, которая, к слову сказать, до настоящего времени остается образцовой. Она имеет своим предметом человеческое поведение в той части, в какой оно определяется его свободным выбором, и ту реальность, которая в результате этого учреждается. Понятая таким образом этика составляет один из существенных аспектов философии.

Словари и учебники сегодня нам говорят о том, что этика — раздел философии, имеющий своим предметом мораль, моральное поведение человека. При этом они не дают удовлетворительного ответа на два вопроса. Первый: почему этика является философской наукой, и чем философское познание морали отличается от социологического, культурологического и всякого иного? Или по другому: что есть в этике такого, в силу чего она не может эмансипироваться от философии и стать одной из самостоятельных областей гуманитарного знания, как это произошло с психологией, филологией и т.д. Второй: почему философия обязательно должна завершаться этикой, включать в себя этику, почему она немыслима без этики? Чтобы ответить на эти вопросы, мало сказать, что этика есть часть философии. Надо еще определить, как в данном случае часть относится к целому. А именно: может ли она быть изъята без того, чтобы не разрушить целое? Это уже вопрос о том, как мы понимаем философию. Является ли она просто родом познания, ответственной только за то, чтобы давать адекватное знание о своем предмете или представляет собой нечто большее?

На самом деле философы сам свой предмет определили таким образом, что его познание из эпистемологического акта неизбежно превращается в этическое действие. Говоря точнее, оно становится эпистемологическим актом в качестве этического действия. Буквальное значение слова «философия» знают все: любовь к мудрости. Но мало кто, в том числе и из тех, которые проходят по ведомству философии, задумываются над его обязывающим смыслом. Почему, собственно, предметную область философии составляет любовь к мудрости, а не сама мудрость, как полагали первые воспитатели Эллады, за которыми закрепилось

имя «Семи мудрецов», и те острые на ум, речистые учителя добродетели, которые самоуверенно называли себя софистами? Это объяснялось не просто стремлением быть более строгим в словах и еще меньше человеческой скромностью философов. Речь шла об ином понимании самого рода деятельности. Считалось, что мудрость есть свойство и состояние богов. Человеку же дано только любить ее, избрав в качестве высшего и недостижимого жизненного ориентира. Мудрость есть не только то, что философ стремится понять. Она есть также то, к чему он тянется, что составляет его страсть.

Появление слова «философия» традиция связывает с именем Пифагора. К нему же восходит классическое представление о трех образах жизни — чувственном, деятельном, созерцательном. Иллюстрируя их различие, пифагорейцы говорили, что на олимпийские игры одни приходят, чтобы что-нибудь купить и продать, другие, чтобы принять участие в состязаниях, третьи, чтобы посмотреть. Третьи суть философы, они культивируют особый — созерцательный, теоретический, духовный — образ жизни. Философы открыли новое измерение человеческого счастья.

Философы, появившиеся в 6–5 веках в греческих городах, с самого начала воспринимались окружающими как люди чудные, странные. И странность их состояла не просто в том, что они интересовались вещами далекими и невидимыми, например, их очень волновали небесные дела, или еще, им мало было видеть прекрасные предметы, им хотелось знать, что такое прекрасное само по себе. Странность их заключалась в ином: вещи далекие и невидимые значили для них больше, чем близкие и зримые. Философы исходили из другого порядка ценностей, несли другой строй жизни. Философствовать — значит учиться умирать, говорил Платон. Учиться умирать значило для него учиться отделять душу от тела и жить потребностями бессмертной души. Словом, философия больше, чем определенный род знания. Она есть в то же время определенный образ жизни. Среди мотивов, которые вызвали к жизни философию и составляют ее внутреннюю движущую силу, исключительно важную и незаменимую роль играет моральный пафос совершенной жизни.

Поскольку философия мыслится и практикуется как совершенная форма жизни, постольку вполне естественным образом вопрос о совершенстве человека становится неотъемлемым и преимущественным предметом ее интереса. Так понятая философия сама неизбежно разворачивается в этику, и одновременно с этим она особое внимание уделяет моральному опыту, культивируемым в обществе представлением о добре и зле.

После того как философы «учредили» космос, установив, что мир представляет собой упорядоченное, гармоничное и неуничтожимое целое, они провели два принципиальных расчленения. Во-первых, они

отделили неизменную закономерную сущность мира («воду», «логос», «единое» и т.д.) от его поверхности, изменчивых, преходящих явлений, т.е. то, что мыслится, от того, что мнится. Во-вторых, они выделили область человеческого произвола (сферу нравов, обычаев, других человеческих установлений), т.е. то, что зависит от самого человека и имеет вариативную природу, в отличие от того, что происходит неотвратимо и однозначно. Благодаря этим расчленениям сложилась базовая структура философии, состоящая из физики, логики и этики (эти три аспекта, грани, ипостаси философии, ее трехчастная структура была обозначена в платоновской академии и окончательно закреплена стоиками, в последующем, насколько мне известно, она никем всерьез не оспаривалась, а Кант вообще придавал ей абсолютное значение и считал исчерпывающей).

Утверждение, что философия представляет собой этический проект, что она возникает и существует в рамках идеальных устремлений человека, что она есть не то, что изучают по несколько часов в неделю в течение одного года, а то, чем постоянно живут, это утверждение на первый взгляд кажется надуманным. Но стоит его принять и с этой точки зрения взглянуть на опыты философии, как многое проясняется, и мы получаем более строгую, цельную картину — то, что рассыпается, не соединяясь между собой в рамках сугубо сциентистского взгляда на философию как особую науку, оказывается собранным, соединенным в рамках этического взгляда на нее также как на духовную практику. Приведу несколько примеров.

У Гераклита есть фрагмент, который, как считается, выпадает из контекста его натурфилософского учения о логосе: «Я искал самого себя». Далее. Есть ряд свидетельств о Гераклите, которые воспринимаются как курьезы, не имеющие также отношения к истинному смыслу его философии; остается только непонятным, почему культурная память бережно их хранила. Я имею в виду анахоретство Гераклита, его попытку вылечить от водянки, обмазавшись теплым навозом. Еще, его сочинение известно под необъяснимо противоречивыми даже по нынешним представлениям исключаящими друг друга названиями: «О природе», а также «Музы», «Путеводитель точный к мете жизненной», «Мерило нравов, [или] благочинный уклад поведения, один и тот же для всех». Между тем все встает на свои места, если предположить, что для Гераклита учение о логосе было не просто особым взглядом на мир, но и его жизненным выбором, что он пришел к нему именно в поисках самого себя. Тогда понятно, почему он удел сосредоточенной мыслительной деятельности предпочел доставшейся ему по наследству царской должности, почему он поверил в исцеляющую силу тепла — ведь миром правят разум и огонь. Понятно, почему одно и то же произведение, будучи книгой о природе, является одновременно путеводителем по жизни — ведь логос есть и принцип бытия, и принцип долженствования.

Еще один весьма странный факт. Философия ответственна за определение истины, она также претендует на формирование наиболее обобщенного истинного взгляда на мир в целом. В то же время сама она существует как совокупность отдельных философий, которые не поддаются сопоставлению, сравнению, систематизации по критерию истины. Каждая из них равна самой себе. Древние философские системы ничуть не менее ценны, чем новейшие. Платон, который считал, что мир вещей является тенью мира идей, и Спиноза, который считал, что порядок идей соответствует порядку вещей, одинаково высоко котируются на философском «рынке». Такого рода плюрализм непонятен, если рассматривать философию как род познания, он просто несовместим с таким пониманием. И в то же время он совершенно естественен, если смотреть на философию в этической перспективе и видеть в каждом ее случае личностный выбор, который ценен именно своей единственностью, «лица не общим выраженьем».

Охваченные этическим энтузиазмом, философы иногда теряли голову. Пифагорейцы своего учителя считали особым существом. Они говорили: есть люди, есть боги, а есть еще Пифагор, которого они, конечно, не считали богом, но тем не менее приписывали сверхчеловеческие свойства, например, способность быть одновременно в двух разных местах. Эмпедокл, согласно легенде, шагнул в Этну, уверенный, что таким образом обретет бессмертие. Плотин культивировал состояния мистического экстаза, чтобы слиться с Единым. Случалось, философы считали себя особой кастой и изолировались от общества, чтобы жить своей внутренней интеллектуально насыщенной жизнью. Все это, конечно, преувеличения, про которые даже трудно сказать, в какой мере они исходили от самих философов, а в какой были приписаны им молвой. Но, как говорится, сказка — ложь, да в ней намек. Намек же состоит в том, что философия несет с собой особый образ жизни, основанный на интеллектуально-духовном совершенствовании личности. И это уже никакая не выдумка, никакое не преувеличение, а фундаментальный факт, без учета которого мы не поймем своеобразие философии, ее незаменимое, уникальное место в культуре.

Итак, возвращаясь к нашей теме, следует сказать, что философия исследует мораль как человеческую практику, этика является частью (аспектом) философии. В то же время сама философия является родом моральной практики, выступает как этический проект. На мой взгляд, философский статус этики можно понять только в контексте этического статуса философии.

Этический статус философии обнаруживается как минимум двояко. Во-первых, философия создает, конструирует идеальную модель мира, которая открывает перспективу культуротворящей деятельности человека, вдохновляет на такую перспективу. В этом смысле философия есть утопия культуры. Речь идет не об утопических социальных и антро-

пологических проектах в узком смысле слова (это особый, сам по себе тоже интересный вопрос), а о самой философии в ее глубинных метафизических основаниях, о создаваемых философскими системами образах мира и человека. Вот Спиноза говорит о субстанции с бесконечным числом атрибутов, из которых мы знаем только два. Лейбниц создает свою монадологию. Кант за феноменальным миром усматривает ноуменальный мир. У Гегеля абсолютная идея железной поступью идет к самой себе. Разве все это не утопические конструкторы?! Ибо кто видел монады, субстанцию, вещи в себе, абсолютную идею?! И в то же время разве они не создают в каждом отдельном случае цельный образ мира, не замыкают пространство сознания таким образом, чтобы человек мог чувствовать себя уверенно, защищено, чтобы он мог осмысленно развивать свои возможности?! Во-вторых, философия доводит свое понимание мира до формулирования абсолютных оснований человеческого поведения, которые, как правило, самими философами воспринимаются в их нравственно обязывающем смысле. Ответ на вопрос «Что я должен делать?», где под я понимается тот, кто задает вопрос, входит в специфическую предметность философии. Ответ этот прямо соотносится с конструируемой философией идеальным образом мира — соотносится таким образом, что его можно считать следствием в такой же мере, в какой и причиной.

Соотношение философии и этики — и в том, что касается этического статуса философии, и в том, что касается философского статуса этики — изменчивая величина, совпадающая в своей изменчивости с основными философскими эпохами.

Согласно нашим сегодняшним представлениям философия в античную эпоху являлась цементирующей основой общественного сознания. Было ли это так на самом деле или нет, соответствуют ли наши оценки тех или иных мыслителей тому, как они воспринимались современниками — открытый вопрос. Как бы то ни было одно, однако, остается бесспорным: сама философия мыслила себя как высшее средоточие духовных усилий, направленных на то, чтобы придать человеческому существованию совершенный смысл. И это — не сомнение философии. Это — ее функция, предназначение. Она для этого возникла. Когда Сократ объяснял афинянам во время суда, почему ставит под сомнение привычные формы жизни, он говорил, что не может иначе, что он чувствует себя призванным к этому, словно его «бог поставил в строй». Нравственно-очистительный пафос присущ всем философским учениям древности, но, пожалуй, полней, последовательней, очевидней всего он воплотился в неоплатонизме. Плотин предложил такую многоступенчатую картину восхождения (обратного возвращения) людей к божественным высотам Единого, последним звеном которого является его собственная философия. Философия не просто указывает путь спасения, она сама есть этот путь. В последующие эпохи, как мы увидим,

философия умерила свои амбиции и в том, что касается возможностей нравственного возвышения, не претендовала на первые роли и магистральные пути. Это случится в последующие эпохи. В античности же она уверена в исключительности и единственности своей освободительной миссии.

Древние, как я уже упоминал, предложили трехчастную структуру философии, включив в нее этику (наряду с физикой и логикой) в качестве обязательной и существенной части. Теперь следует добавить: этика была для них больше, чем часть (аспект) философии, она — ее фокус, конечная цель, лучшее из всего, что в ней есть. Когда они сравнивали философию с яйцом, этика отождествлялась с желтком, физика — с белком, логика — со скорлупой. Когда они сравнивали ее с телом, то этика была сердцем, физика — плотью, логика — костной системой. Когда они пользовались в качестве аналогии образом сада, то в роли этики выступали плоды, в роли физики — деревья, в роли ограды — логика. Какие замечательные аналогии! Этика — центр философии, имея в виду под центром точку, в которую она метит. Она — ее итог, завершение. Философия сама становится этикой, трансформируется в этику. Это происходит таким образом, что философское познание мира, реализуемое через физику и логику, оказывается душевным преобразованием человека, который таким образом обретает мудрость, максимально приближается к ней.

Философия, трансформировавшаяся в особый, равный самому себе душевный строй и ставшая тем самым воплощенной этикой, входит в моральную практику в качестве ее предела. Это очень важный вопрос — как философия в качестве этики соотносится с этикой, имеющей дело с моралью в ее обычном, массовидном содержании. Ведь мораль практикуют, и стать совершенными стремятся не только философы: это входит в определение человека как сознательного, разумного существа. Кроме того, философы не рождаются философами, они становятся ими, проходя предварительно путь обычных людей и оставаясь подверженным всем искушениям смертных существ.

Этические учения древних имеют четко выраженную двухуровневую структуру: низший, обобщающий моральный опыт полисной жизни и формулирующий ее образцы, и высший, связанный с философией как любовью к мудрости и воплощенный в ней (замечу в скобках: эта замечательная и в плане адекватного понимания морали исключительно важная особенность античной этики до настоящего времени плохо изучена, насколько мне известно, даже не зафиксирована в исследовательской литературе с должной глубиной и фундаментальностью). У Платона мы находим социальную этику, задающую образцы поведения в государстве — государстве, которое, хотя и является идеальным, тем не менее остается формой организации «пещерного» существования. И у него же развернута, в частности в «Пире», этика прорыва души в занебесную даль, чтобы погрузиться в вечное блаженство созерца-

ния прекрасного как такового. Аристотель (уместно сказать, даже Аристотель, этот трезвейший из всех древних, а может быть, и не только древних мыслителей) выделяет две эвдемонии: вторую, низшую, связанную с нравственными добродетелями и реализующими идеал деятельного счастья гражданина, и первую, высшую, связанную с дианоэтическими добродетелями и непреходящими удовольствиями философско-теоретического познания. Относительно первой эвдемонии чисто созерцательного счастья Аристотель считает нужным заметить: такого состояния человек достигает крайне редко и достигает он его не потому, что он человек, а потому, что в нем есть нечто божественное. Эпикур говорит о двух родах счастья: высочайшем, как у богов, которое уже нельзя умножить, и то, которое допускает прибавление и убавление наслаждений. Стоики придавали интересующему нас различию первостепенное значение и положили его в основу своей этики. Они провели резкую грань между миром относительных ценностей, которые определяются внешними обстоятельствами жизни, и абсолютной ценностью добродетельного поведения, которое состоит в непоколебимой душевной стойкости, вытекающей из внутренне свободного, философски безразличного отношения ко всем мыслимым перипетиям жизненной судьбы.

Двухуровневая структура этики в строгом смысле выражает специфику античной философии, ее место в культуре. Она, в частности, была связана со склонностью философов культивировать свой особый, эзотерический, образ жизни. Эта тенденция к духовному аристократизму, к замкнутости на саму себя явилась одной из несомненных внутренних причин конца античной философии. Во всяком случае, она не смогла вписать себя в широкую практику моральной жизни и увязать вторую этику с первой. Тем не менее сама идея первой этики в измененном виде сохранилась. Это выразилось в том, что в последующие эпохи правилом философской этики стала апелляция к моральным абсолютам, а также ее устремленность на сверхэтическую перспективу.

Место философии в средневековой культуре, а в значительной мере и духовный строй последней обычно определяется формулой: «Философия — служанка богословия». Здесь подчеркивается унижение, даже двойное унижение философии — и то, что она сброшена с царского престола, и то, что низведена до роли быть в услужении именно у богословия. Это, однако, не вся истина. Понятно, зачем богословию понадобились услуги философии. Оно нуждалось в них, чтобы укоренить религиозное мировоззрение в головах людей, подкрепить откровение аргументами разума. А почему философия согласилась на этот неравный брак?

Философия через религию заполняла образовавшуюся в ее «космосе» моральную пустоту. Христианская утопия небесного царства в соединении с церковной организацией повседневности в плане нравствен-

ного ориентирования жизни оказались более реалистичными и действенными, чем то, что предлагала философия. Последняя, лишенная достоинства совершенной формы моральной практики, оказалась дезориентированной. Вместе с этической функцией она лишалась основы, вдохновлявшей ее интеллектуально-познавательные усилия. Пафос истины поддерживается жаром морального пафоса. Поэтому в условиях разрыва между ними философия могла существовать только в соединении с религией, паре с ней. За философией сохранилась познавательная функция, она была редуцирована к логике и физике, а этическая функция отошла к религии. Так как, однако, философия включает в себя этику как неотъемлемую свою часть, то можно сказать, что религия, поскольку она является носителем морального идеала, выступает как необходимое ее дополнение. Философия и религия в рамках того распределения ролей, которое было типично для Средневековья, образуют как бы единый познавательно-этический конструкт.

Выполняя «заказ» богословия, философия занималась в качестве одного из важнейших своих предметов также рациональной интерпретацией нравственного канона христианства. Ключевыми для нее были два вопроса, которые являлись таковыми до эпохи Средневековья и оставались таковыми после нее, которые внешне в конкретных формулировках и видоизменялись с течением времени, тем не менее в существе своем оставались неизменными — они входят в устойчивую структуру философской этики, составляют ее основу. Первый из них заключается в том, чтобы обосновать абсолютность христианского нравственного канона, прежде всего его главной заповеди любви. Возникающая здесь проблема состояла в следующем: как согласовать мораль, которая держится на свободе человека, с божественным предопределением, без которого не совершается в мире ничего, даже волос не падает с головы? Второй вопрос касался места идеала христианского совершенства в рамках моральной практики, его соотносительности с систематизированными античной философией добродетелями и привычными формами поведения. Особая трудность при этом состояла в том, что совершенство требовалось от тех, чья природа была поражена грехом. Требовалось оправдать зло перед лицом всеблагого и всемогущего бога. Следует заметить: эти вопросы — как можно помыслить христианское совершенство и как можно его практиковать, входили и занимали важное место в числе тех, на опыте христианской разработки которых складывался знаменитый схоластический метод, оттачивалась техника философского анализа — эти непреходящие завоевания средневековой философии. Кроме того (и в контексте нашей темы это более существенно), в ходе их осмысления средневековая философия внесла огромный вклад в этическую теорию. Я думаю, вклад этот до настоящего времени полностью не выявлен, не вышелушен из своей религиозной оболочки. Совершенно очевидно, реальный смысл философской работы в данном случае выходил далеко за рамки конкретной задачи —

подкрепить рациональными аргументами богословское учение о происхождении и сущности нравственности. Порой он выходил настолько далеко, что скорее подрывал, чем подкреплял то, что предполагалось обосновать. Достаточно сослаться на великий, растянувшийся на тысячелетие, спор о соотношении свободы воли и божественной благодати между Пелагием и Августином в начале VI и между Эразмом Роттердамским и Лютером в начале XVI веков.

Существенное изменение, которое претерпела философия в Новое время и предопределило ее историческое своеобразие, состояло в том, что она эмансипировалась от богословия и религии и вступила в союз с нарождающейся наукой. Философия в значительной мере способствовала становлению науки Нового времени и ее высочайшему престижу в системе общественных ценностей. Меру эту, конечно, никто точно определить не может, однако совершенно очевидно: философия была необходимым элементом в системе факторов, ответственных за доминирование науки в обществе.

Согласно установившимся представлениям философия взаимодействует с наукой по линиям онтологии и методологии познания. Это утверждение не вызывает сомнения, за ним стоят серьезные и глубокие исследования. Оно, однако, не является исчерпывающим. Я бы даже сказал, оно не выявляет всей специфики союза философии и науки в том виде, в каком он сложился в Новое время. Философия и до этого дружила с наукой. Философские и естественно-научные картины мира, как правило, составляли неразрывное целое. Философия всегда ориентировалась на доказательное знание — на фактическую достоверность и логическую принудительность суждений. Начиная с Фалеса, этого Адама европейской мысли, довольно типичным было сочетание в одном лице ученого и философа. Философия традиционно считалась синонимом теоретического знания, а философские факультеты вплоть до XVII столетия включали в свои программы естественно-научные и математические дисциплины. Она ведь и возникает как натурфилософия. С зарождением современных наук, отделившихся от философии, опирающихся на собственные экспериментальные и теоретические основания, ситуация, разумеется, стала иной. Качественно иной. Философия оказалась перед лицом новых вызовов, проблем и трудностей. Тем не менее они не касались самой приверженности философии идеалу научности.

Философская санкция науки как единственно надежного способа познания имела огромное значение и для самосознания философии и для самосознания науки, а еще больше для союза между ними. Философию и науку, несомненно, объединял и объединяет пафос истины. Но не только. Есть еще один исключительно важный аспект, который часто упускается из виду. Наряду с тем и в продолжении того, что наука несла свет знания, она одновременно заявила себя и воспринималась

в качестве силы, способной преобразовать мир — преобразовать его таким образом, чтобы люди смогли реализовать, предметно воплотить свое стремление к совершенной и счастливой жизни. Именно это решающим образом предопределило ее доминирующее положение в общественном сознании. Она заняла в новоевропейской цивилизации положение аналогичное тому, какое занимала религия в традиционном обществе. И случилось это по той же самой причине: наука перехватила у религии функцию нравственно возвышающей силы, предложив для этого прямо противоположный путь. Вместо рая на небе обещала рай на земле. Теперь философия пошла в услужение к науке и, кажется, сделала это более последовательно и охотно, чем тогда, когда она служила теологии. Во всяком случае, средневековые философы не писали своих сочинений в форме катехизисов, в отличие от философов Нового времени, которые, случалось, строили свои труды по математическим образцам.

Сказано: познайте истину и истина освободит вас. Сказано в другое время, по другому поводу. Но утверждение это в полной мере относится к общественным ожиданиям, которые Новое время связывало с наукой и которые воплотились в ее философском образе. Согласно этому образу, наука есть знание, и в качестве знания она есть сила. Ее итогом является не созерцание вечных сущностей, как то полагала древняя философия, а счастливым образом преобразованный и преуспевающий мир. Для понимания нового канона ценностей и нового типа связи философии и науки показательной, на мой взгляд, является фигура Ф. Бэкона — этого признанного родоначальника духовности Нового времени. Бэкон написал «Новый органон», в котором он старому аристотельскому органону, служившему опорой средневековой схоластики, противопоставил новый метод опытного естествознания. И он же написал «Новую Атлантиду», где изобразил счастливое существование в условиях технически преобразованного мира. У Бэкона, как у каждого из нас, было две руки, но эти произведения — «Новый органон» и «Новую Атлантиду» — он писал одной и той же рукой. Кстати заметить, духовно-освободительные проекты русского космизма как, например, воскрешение предков Н.Ф. Федорова или обживание планет К.Э. Циолковского, хотя и несли на себе следы времени и национального менталитета, тем не менее по сути своей были выражением того же убеждения и настроения, которые двигали Ф. Бэконом и другими основоположниками философии и науки Нового времени.

Делегировав свою этическую функцию науке, философия и на этику стала смотреть глазами науки. Рассматривая моральный опыт в соответствии с научными критериями, философия естественным образом сосредоточилась на вопросах, ориентирующих на его объективное исследование, как если бы, говоря словами Спинозы, речь шла о точках и линиях. Прежде всего надо было ответить на вопрос о происхождении морали, ее объективной основе, найти в предметном мире то, от-

ражением и выражением чего она является. Далее, следовало раскрыть основополагающий принцип (закон) морали, позволяющий безошибочно идентифицировать ее, отделять добро от зла с такой же точностью, с какой истина отделяется от заблуждения. Наконец, очень важно было выявить технологию морали, показать каким образом она включается в целесообразную деятельность и может быть просчитана, сведена к сознательно регулируемым правилам и схемам.

Философия Нового времени внесла значительный вклад в познание морали, в особенности ее специфики в системе общественных институтов и мотивов поведения. Но тем не менее своей основной задачи — создания научной этики — она не решила. Попытки интерпретировать мораль как некую данность (продолжение природного процесса в человеке, его социальных интересов и т.п.) не увенчались успехом. Оказалось, что в мире объектов нет такого объекта, как мораль. Противоречивым было само стремление подвести под мораль объективную основу, т.е. такую основу, которая находится за пределами самой морали. Оно было противоречивым по той причине, что мораль, согласно ее определению, является безосновной, заключает свои основания в себе. Это приблизительно также как если бы захотели от логических, философско-аналитических доказательств бытия бога перейти к фактическим и зафиксировать бога эмпирически (увидеть, измерить и т.д.). Если бы такое удалось сделать, то это как раз и было бы доказательством того, что его не существует. После полета Юрия Гагарина в космос наши записные атеисты увидели аргумент в свою пользу в том, что тот там не увидел бога, не понимая, что они бы несомненно торжествовали окончательную победу в случае, если бы Гагарин вдруг там его увидел. Впрочем, умственный кругозор записных теистов не намного шире — один из американских астронавтов ездил по миру и рассказывал, что он «увидел» следы бога на луне. Философы, разумеется, не могли попасться в такие ловушки. И, хотя они ориентировались на предельно строгие, доказательные утверждения, тем не менее они оставались в рамках философского понимания морали. Пожалуй, с научной точки зрения наиболее обоснованными среди предлагавшихся ими теорий происхождения морали были те, которые усматривали ее корни в природе в смысле негативной причинности (отрицание естественного состояния у Гоббса, преодоление пассивных аффектов у Спинозы). Но и в этом случае оставался открытым вопрос о причине такой негативной диспозиции.

Не более успешными были усилия философов найти единый всеобщий принцип (закон) морали. Это и понятно, ибо это есть другая формулировка того же вопроса об основе (происхождении) морали. Нельзя сказать, в чем состоит мораль, не зная, откуда она берется. Кроме того, сама идея одного абсолютного закона, управляющего моральным «космосом» человека, трудно согласуется с требованиями научного подхода. Ведь в основе любых процессов в мире, не говоря уже об их обоб-

ценных совокупностях, лежит множество причин, факторов, законов; это первые философы наивно полагали, что все в мире можно свести к одному или нескольким элементам.

В исследовании технологии поведения этической теории предстояло найти такие решения, которые нравственно детабуировали бы его (поведение), освобождали от внешнего диктата искусственных ограничений, позволяли мобилизовать моральные мотивы для инновационной активности человека в научном познании, технике, хозяйственной деятельности, быту. Они были найдены. В противовес Средневековью с его идеалом христианского милосердия Новое время стремилось нравственно санкционировать право индивидов быть эгоистичными, следовать своим потребностям, личному интересу, выгоде. Обосновывалось это по-разному. В крайних случаях сама мораль истолковывалась как наивысшая форма эгоизма. Но и тогда, когда философы, оставаясь в рамках традиции, связывали моральные мотивы с бескорыстием, они располагали их таким образом, что эгоистическое начало человеческого поведения сохраняло свою легитимность. Утилитаризм был не только особой школой, типичной для этой эпохи, он был также превалирующим настроением этики Нового времени.

Декарт ограничился временными правилами морали. Он так и не сформулировал истинный принцип поведения, ограничившись общим требованием следовать истине. Не сделали этого и другие мыслители эпохи. Проект научной этики провалился, и это явилось, пожалуй, самым ценным итогом философии Нового времени. Он важен ценностью отрицательного результата и еще больше тем, чем этот результат был обусловлен. Философы пытались построить научную этику, оставаясь в рамках логики морального сознания. Последнюю они воспринимали с такой же серьезностью и ответственностью, как и требования научного познания. Оказалось, что эти две вещи — мораль и научное познание — не совмещаются между собой. В морали есть нечто такое, в силу чего она не поддается объективированию. Разумное существо, являющееся субъектом познания, не может поднять себя над моралью, отстраниться от нее подобно тому, как оно это делает с любым другим объектом, которое избирает в качестве своего предмета.

Итог этики Нового времени подвел Кант. Кант, конечно, выделяется на общем фоне и необычностью своей этики, и ее систематической проработанностью. Когда говорят о Канте, обычно подчеркивают именно его уникальность, отличие от современников и предшественников. И в самом деле, кажется, что он скорее от бога, чем от эпохи. И тем не менее именно Кант полней и глубже, чем кто-либо, выразил смысл и противоречия почти двухвековых этических поисков. Если говорить о трех упоминавшихся выше темах, то позиция Канта состояла в следующем. По вопросу о происхождении морали он высказал-

ся в том духе, что это — выше человеческого понимания. Разум по Канту априорен, он задает категориальную сетку и схематизмы опыта, включая и возможный опыт. Но как только он покидает феноменальные пределы и обращается к ноуменальному миру вещей в себе, его познавательные-конструирующие возможности кончаются. В качестве чистого разума оказывается нам известен, приобретает эмпирическую достоверность только тогда, когда он становится практическим, моральным. Но как происходит это превращение чистого разума в практический, в результате чего его следует именовать чистым практическим разумом, мы не знаем. В принципе не можем знать, и для того чтобы заполнить эту зияющую познавательную брешь, Кант вводит постулат свободы. По вопросу о нравственном законе Кант приходит к выводу, что он состоит в самой идее законосообразности, формулирует свой знаменитый категорический императив, согласно которому необходимо следовать только таким максима́м поведения, которые могут быть помыслены в качестве требований всеобщего законодательства. Речь идет (и это существенно) о такой обязанности действовать законосообразно, которую действующий индивид сам налагает на себя. Если учесть, что безусловность требований входит в общепризнанное определение морали, то получается: моральный закон состоит в том, что индивид обязывает самого себя поступать морально. Наконец, в том, что касается технологии поведения, Кант провел непреодолимую разделительную линию между долгом как единственным моральным мотивом и склонностями, под которыми понимаются все природные и социальные побуждения к действию, включая, среди прочего, и естественные чувства сострадания, симпатии и т.п. Долг участвует в поведении только как его ограничивающее условие. Он совпадает с доброй волей и никак не зависит от материи поступка. Долг остается долгом, даже если бы не было ни одного поступка, совершенного ради него. И в то же время поступки, рассмотренные с точки зрения их материи, не содержат в себе ни грамма морали, они являются такими же объектами научного знания, как любые другие феномены, например, те же лунные затмения. Разрыв между долгом, который управляет моральным бытием человека, и склонностями, которые управляют его социально-природным бытием, может быть преодолен только в перспективе бессмертия души и существования бога. На самом деле это означает, что он непреодолим. Также непреодолим, как непреодолимо желание его преодолеть.

Основной пафос и стержневая идея этики Канта сводится к обоснованию автономности морали. Мораль в его интерпретации — самостоятельная реальность, замкнутая на саму себя. Она параллельна природе и соразмерна ей. Сделанный намного позже вывод, согласно которому нет логически обоснованного перехода от фактических утверждений к ценностным, явился по сути дела лишь иллюстрацией к этой мысли Канта, хотя сделан он был в рамках совсем некантианской этической

традиции¹. Этика есть нечто принципиально иное, чем физика: первая имеет своим предметом мир свободы, вторая — мир необходимости. Тем самым был закрыт вопрос о возможности построения этики по научным канонам — канонам естествознания. Если учесть, что философия Нового времени связывала с наукой осуществление этического идеала, видела в ней воплощение высшей духовности, то становится очевидным, насколько кардинальным был этот вывод. Из него следовало, что как бы далеко ни продвинулась наука в познании и преобразовании мира, она не может придать ему достоинство моральной реальности. По сути дела это был приговор, обязывающий философию искать новые формы и пути своей моральной институционализации.

Кант считал, что после него в этике делать нечего, ибо он исчерпал ее. Это утверждение — не просто веровательное заблуждение, свойственное всем авторам философских систем. Оно заключает в себе и долю истины. Ведь в самом деле, если мораль и реальность, должное и сущее — разные, непересекающиеся между собой миры, то этика лишается исследовательских перспектив. Поэтому последующее развитие этики не могла не быть продолжением кантовского дуализма бытия и морали. Оно шло по двум основным линиям.

Одна линия заключалась в преодолении этически нейтрального образа бытия за счет включения в него особого ценностного среза. Она представлена разными именами и школами. Я не готов, да здесь и не место разбирать, каким образом философы вновь «одухотворили» мир, не отступая от критериев научной объективности, но одно ясно: благодаря этому они пытались сохранить гносеологический статус философии и этики, преодолеть беспомощность перед вопросами о том, откуда возникает мораль, в чем состоит ее сущность, как она задействована в человеческой практике.

Вторая линия была связана с коренным переосмыслением диспозиции этики по отношению к своему предмету. Этика стала пониматься не как учение о морали, а как критика последней. Соответственно, ее задача усматривалась в том, чтобы не принимать собственную логику мо-

¹ Отвлекаясь на минуту, хочу отметить один эпизод, важный для понимания новейшей истории этики. Д. Юм в свое время отметил, что авторы этических сочинений от утверждений со связкой «есть» переходят к утверждениям со связкой «должен», не объясняя оснований такого перехода, он видел в этом одно из доказательств несостоятельности этического рационализма и истинности своего взгляда, отождествляющего мораль с особыми чувствами. Кант обернул аргумент против этического рационализма в его пользу: «должно» не выводится из того, что «есть», и вообще не зависит от «есть» именно по той причине, что долг представляет собой практическое выражение чистого разума. Однако позитивистски ориентированная этика восприняла упрек Юма в качестве исследовательской программы и приложила немало усилий для того, чтобы перебросить мост от «есть» к «должно». Усилия эти оказались тщетными.

рали за чистую монету, а вскрывать ее иллюзорный характер, фальшь. Мораль не просто релятивировалась, она отрицалась — по крайней мере, в том, что касается ее абсолютистских притязаний. Эта линия также имела разные вариации, наиболее последовательно, цельно и ярко она представлена К. Марксом и Ф. Ницше. По Марксу, мораль представляет собой превращенную форму сознания, благодаря которой господствующие классы придают своим классово-эгоистическим интересам всеобщий вид, осуществляют духовное закабаление трудящихся. Действительная мораль, как считал он, состоит в борьбе за освобождение от угнетения природных и социальных сил. Ницше считает мораль величайшей ложью, тартюфством, видит в ней выражение рабского сознания, ressentiment слабых, их бессильной злобы, которая подменяет борьбу с врагом самоотравлением собственной души. Морали Сократа, Канта, христиан, социалистов, т.е. тому, что всегда и всеми считалось моралью, он противопоставляет мораль господ, людей, сильных своей волей к власти, устремленных к сверхчеловеческим высотам, — высотам, расположенным по ту сторону добра и зла.

Излишне говорить, что этика, которая из теории морали трансформировалась в ее критику, — это уже не совсем этика. Интересующий ее вопрос состоит теперь не в том, как стать моральным, а в том, как преодолеть мораль. А тогда, когда этика, отрицая мораль, ставит на ее место классовую борьбу, волю к власти или другую предметную деятельность, она и вовсе перестает быть этикой. Она становится социологией, психологией или чем-нибудь еще. После Маркса и Ницше уже никто не выступал со столь радикальных позиций, как они, но тем не менее этика после них стала иной, она навсегда потеряла то доверие к морали, которое питали к ней философы во все предшествующие эпохи.

Таков общий фон, на котором надо рассматривать, или лучше сказать: историко-теоретический контекст, в который надо вписать современную ситуацию в этике. Вы правильно охарактеризовали ее, обозначив как равнодушие, может быть, беспомощность философии по отношению к моральным проблемам. Следует только добавить: это бесплодие имеет глубокое основание и может рассматриваться как симптом общецивилизационного кризиса. Философия не может ничего предложить этике по той причине, что она сама лишилась этических перспектив. Наука, которая, как предполагали философы, должна была привести в страну счастья, или, по крайней мере, вести туда, не оправдала возлагавшихся на нее надежд и это становится тем более очевидным, чем более зримыми, внушительными, почти фантастическими являются ее успехи.

По вашему мнению, какую этику можно отнести к последним великим проектам философской этики? Какое последнее начинание в этой области, с вашей точки зрения, имело принципиальный характер?

У меня на этот счет есть совершенно определенное мнение. Последний великий этический проект предложил Толстой. Лев Николаевич Толстой. Я имею в виду его программу непротivления злу силой. Здесь нет возможности развернуто говорить об этике непротivления, этике ненасилия, употребляя современный и более точный термин. Остановлюсь на самом главном. Прежде всего, она безупречно аргументирована. Если принять в качестве постулатов, что мораль тождественна гуманизму, понимаемому как любовь к человеку, и что она абсолютна в своих требованиях, то непротivление злу является неизбежным и единственно возможным заключением силлогизма этического действия. Оно представляет собой аналитическое утверждение, раскрывающее закон любви. Далее, этика ненасилия задает четкое, однозначное предметное содержание индивидуально-ответственному существованию и одновременно с этим открывает перспективу нравственного совершенствования человека и человечества. Наконец, это — совершенно особый духовный конструкт, который можно квалифицировать в качестве философского только с учетом того, что здесь сама философия приобретает новое качество. За этикой ненасилия стоит определенная метафизика и «физика» (психология, социология). Но она представляет собой не результат философского анализа морали, не саму философию, выступающую в качестве этики. Это — этика, которая разворачивается в философию, становится философией, прекрасно сосуществуя при этом и с религией, и с наукой, каждая из которых остается действенной в своих пределах. Этико-нормативная программа, которая традиционно была итогом, завершением, следствием философии, становится в данном случае ее исходным пунктом и существенным содержанием. Не является ли это началом новой философской формации, когда этический статус философии и философский статус этики сольются воедино?!

Именно тот факт, что Толстой сменил привычный для европейской интеллектуальной традиции вектор размышлений и двигался не от познания к этике, а от этики к познанию, стало, на мой взгляд, решающей причиной, из-за которой он не получил должного признания в профессиональной философской среде. Похоже, он оказался в положении андерсеновского мальчика, который сказал правду, потому что не знал правил придворного этикета. Историки говорят, что цивилизации, даже одряхлев, сами не гибнут, их разрушают извне, как гунны разрушили Рим. Нечто подобное происходит и с философией. Смена ее эпох происходит через прерывание традиций, и качественно новые импульсы к развитию она получает со стороны, так было при переходе от античности к Средневековью, так же было при переходе от Средневековья к Новому времени. А почему сейчас должно быть по-другому?!

Каковы причины того, что философы перестали предлагать миру этические концепции? Почему философия науки, например, процветает, а этическая проблематика является маргинальной. На первый взгляд, ситуация должна

быть обратной: именно этика должна быть широко востребована современным обществом, в котором перестают работать традиционные институты трансляции образцов поведения, где потребность индивида в смысловой и практической ориентации является поистине колоссальной. Так почему же этика, в лучшем случае, является уделом эзотерического профессионализма «специалистов» или «экспертов» по этике?

Вообще-то говоря, что-то философы продолжают предлагать. Много говорят об этике дискурса Аппеля и Ю. Хабермаса. Современный вариант этического инструментализма предлагает Р. Рорти. Можно назвать дискуссию вокруг концепции А. Макинтайра, апеллирующего к этике добродетелей Аристотеля. Интересную концепцию я недавно вычитал у профессора Э. Тугендхата, который считает, что основой морали является не долженствование, а воление. Можно назвать немалое количество этико-прикладных концепций. В отечественной этике также кое-что найдется, например, концепция взаимодополнительности морали и права, развиваемая профессором Э.Ю. Соловьевым. Словом, чем-то на философско-этическом «рынке» все-таки торгуют. Вы, однако, правы в том, что там мало «покупателей» и совсем не видно очередей. Философия не предлагает масштабных этических концепций, которые, что называется, отражали бы дух времени, еще лучше: формировали бы его, которые бы отозвались мощным общественным эхом. Основная причина, на мой взгляд, и я уже выше говорил об этом, заключается в том, что сама философия утратила этическую перспективу. Философы не видят себя, своего места в нравственном возвышении человека и общества. Место это, конечно, не может заключаться в том только, чтобы учить других. Я не призываю вернуться к тем временам, когда под философией понимался прежде всего образ жизни. Да это и невозможно. Мысль моя иная: философия не может безнаказанно изъять себя из процесса нравственного возвышения, в том числе и из процесса индивидуально нравственного возвышения самих философов.

Не могу вполне согласиться с другим вашим утверждением, будто философия науки (в отличие от этики) процветает. Да, в области философии науки исследовательская активность выше, работы более основательны и конкретны, они, как правило, более грамотны, качественны с точки зрения техники философского анализа. Но сказать, что она «процветает»? «По какому критерию процветает?» — спрошу я вас. Прямым таким критерием могла бы быть только востребованность со стороны науки, конкретных областей знания. Но нет никаких доказательств такой востребованности. Напротив, много фактов свидетельствуют о настороженном отношении ученых-естествоиспытателей, а отчасти и гуманитариев к общеполитической методологии и в особенности к методологическим суждениям об их конкретных областях знания. Если взять косвенные критерии востребованности, такие, например, как тиражи книг, то в этом отношении философия науки даже проигрывает.

У меня нет намерения как-то приукрасить или оправдать состояние нашей этики: оно, как и состояние ряда других областей философского знания, как, например, эстетики, социальной философии, заслуживает серьезной критики, именно на фоне того, как обстоят дела в философии науки, эпистемологии, истории философии. Мысль моя иная: не бывает такого, чтобы одна область философии была чахлой, а другая процветала, чтобы ветки были сухие, а ствол и корни здоровые. И это не просто общее соображение. Выдающиеся родоначальники современной философско-научной методологии — Ф. Бэкон, Декарт, Лейбниц, Кант, были в то же время классиками этической мысли. Да и представители философии науки как специальной области знания, сложившейся в последние сто с лишним лет, — Л. Витгенштейн, венский кружок, Б. Рассел, К. Поппер, А.Д. Айер и др. — также занимались этикой. И кто скажет, в какой мере их успехи в первой области зависели от их занятий во второй?

Что выступает в современном обществе в качестве заменителя, субститута этики?

Может быть, СМИ, телезвезды.

Почему — и это мы особенно отчетливо наблюдаем в российском обществе, но это общая тенденция — в качестве этической инстанции, в качестве морального авторитета начинает все настойчивее выступать религия и церковь? Получается, что именно она, как выражается Герман Люббе, является «Gewinner der Modernisierung» (тем, кто выиграл от модернизации)? В качестве примера, напому, что некоторое публичное оживление этической тематики, связанное с проблемой клонирования, в России свелось к дискуссии между учеными и представителями церкви. Если наши философы и выступали по этим вопросам, то это осталось сугубо в рамках профессиональной сферы, они не были востребованы.

Когда электричество выходит из строя, люди зажигают свечи, керосиновые лампы. Возвращение к религии в данном случае следствие и выражение разочарованности в духовно-освободительной миссии науки и техники.

Способна ли церковь, в частности РПЦ, выполнить ту роль, на которую она сегодня претендует: выступать в качестве носителя и распространителя этических норм в современном обществе. И почему?

О РПЦ делать утверждения я воздержусь. Знаю лишь одно: и теоретические и исторические соображения склоняют к выводу, что нет лиц и организаций, которые имели бы преимущественное право говорить от имени морали и меньше всего годятся на роль моральных учителей

те из них, кто громогласно заявляет себя достойным исполнять ее. Насколько мне известно, христианские святые не считали себя святыми, что и было одним из признаков их святости — они были охвачены сознанием своей греховности и несовершенства.

Сегодня широко распространен миф о положительной роли религии в поддержании общественной морали. Я называю данное утверждение мифом по той причине, что оно считается самоочевидным, принимается без анализа, проверки. Как миф такое представление очень полезно. В свое время известный наш исследователь религии академик Л.Н. Митрохин высказал в беседе со мной такую мысль. О роли монастырей в обществе нельзя судить на основании того, какие нравы в них реально практиковались. Сам факт того, что они воспринимались в качестве носителей моральных ценностей, имел нравственно оздоравливающее воздействие независимо от того, что творилось внутри монастырских стен.

Что касается трезвого и ответственного взгляда на этот предмет, взгляда свободного от идеологической зашоренности, я бы обратил внимание на два ряда фактов. Первый ряд касается радикального изменения роли и места религии и церкви в нашем обществе, государстве, общественном сознании, повседневном быте за последние двадцать лет. Страна вновь стала верующей. Даже демонстративно верующей. Людей, которые не практикуют религию, пока не ущемляют, но тем не менее они (сужу это по себе) все более и более начинают чувствовать себя неудобно. Все хотят стать «носорогами». Второй ряд касается изменений общественной морали за эти двадцать лет. Судить о состоянии общественной морали всегда трудно, но тем не менее и общее мнение, и данные, которые прямо или косвенно об этом свидетельствуют (уровень и характер отклоняющегося поведения, безопасность людей, прочность семейных уз и т.д.), сходятся в том, что она деградирует. Сетования по поводу нравственного кризиса в обществе (сетования, которые, замечу, кстати, сами по себе свидетельствуют об обратном) стали общим местом. А теперь сопоставьте эти два ряда фактов. Здесь, конечно же, нет прямой причинной связи. Более того, ничто не мешает сделать утверждение, что не будь возвращения к религии нравственное падение общества было бы сильнее. И тем не менее здесь есть над чем задуматься. По крайней мере, одно можно сказать точно: религия и церковь не удержали от той деградации общественных нравов, который произошел в нашей стране за последние двадцать лет. В стране в целом этот контраст между официальной религией, которая идет в рост, и общественными нравами, которые идут вниз, может быть, не так заметен. Этим летом я был в родном Дагестане. Там это расхождение бросается в глаза, кругом мечети, другая религиозная символика и в то же время всеобщие жалобы на коррупцию и беззаконие.

Развитие отечественной философии имеет свою особую специфику, обусловленную нашей политической историей. Каким образом эта специфика отража-

ется на состоянии российской философской дискуссии по этике (есть ли она вообще?)

Русская философия, как считают многие исследователи, отличается моральной ориентированностью, даже моралистичностью. Верно. Но при этом в ней странным образом очень мало собственно этических теорий и вообще трудов по этике. К примеру, едва ли можно найти хоть одного получившего широкую известность западного профессора философии, который не читал бы курсов по этике, не имел бы книг и статей, посвященных моральным проблемам. Что касается отечественной философии, то у нас традиция совсем другая: крайне редко можно встретить философа, прославившегося исследованиями в области онтологии, эпистемологии, философии науки, логики, даже истории философии, который имел бы также труды по этике.

Пренебрежение философии этикой в узком, специальном смысле при свойственной ей общей склонности к морализированию, на мой взгляд, связано с особенностью национального морального опыта. Западный моральный опыт рационален, связан с правилами, во многом юридически оформлен. Восточный моральный опыт по преимуществу регулируется обычаями, устоявшимися схематизмами отношений (младший — старший, жена — муж и т.д.). Российский моральный опыт отличается от них тем, что он организован эстетически, не в том смысле, что он красиво оформлен, а в том смысле, что он индивидуализирован, пластичен. Допускает самые разные решения, вплоть до противоположных. Утверждения эти, не являются очень строгими. Они основаны на личных наблюдениях. Но какая-то истина за ними скрыта. В моей биографии есть восточный опыт (родился и вырос в мусульманской среде), есть западный опыт (жил два года в Германии) и, разумеется, есть российский опыт в московском варианте, являющемся для меня основным. Например, такое наблюдение, касающееся самой банальной бытовой ситуации. Вы приходите в гости в городскую квартиру. Вопрос: должны ли вы разуваться или нет? Немцы считают, что нет. В Дагестане, напротив, принято обязательно разуваться. А в Москве? В Москве каждый раз по-разному, иногда разуваятся, иногда нет. Такая неопределенность, широта поведенческих навыков является типичной. Российские нравы имеют такой вид, что их конкретизация зависит от ситуации, от индивидуального решения тех, кто их в данный момент практикует. Они не поддаются и не предполагают сведения к каким-то общеобязательным формулам. Не отсюда ли отчасти — и равнодушие философов к обобщенным этико-нормативным программам. И даже тогда, когда предметом их размышления становится мораль, то, как правило, философы ограничиваются общетеоретическими аспектами (обоснование морали, ее специфики и т.п.), не доходя до формулирования того, как поступать.

Этика как самостоятельная университетская дисциплина и область исследования сложилась в нашей стране сравнительно недавно — в 60-х

годах прошлого века. Это было вызвано не познавательными, внутри-философскими причинами. Основную роль играли идеологические потребности преодоления пролетарско-классовой зашоренности советского общественного сознания, расширения его общечеловеческого содержания. Непосредственным стимулом являлось включение в программу КПСС раздела, посвященного морали. Этика стала у нас развиваться в рамках философии, но в изолированности от других ее областей. Она даже больше кооперировалась с социологией, психологией, другими науками, чем, например, с гносеологией или логикой. Даже опора на историю философии далась и дается нашей этике нелегко.

Словом, чрезмерная специализация в рамках философии — такая наша особенность, которая хотя и имеет некоторые преимущества, способствует частным исследовательским результатам, но в то же время может стать препятствием для ее развития. Обратите внимание: все великие философские системы характеризовались внутренней цельностью в единстве всех ее важнейших аспектов. Это же можно сказать и о самом великом среди русских философов — В.В. Соловьеве.

Если вернуться к философии, то какая последняя дискуссия по этической проблематике была для вас особенно интересна?

Дискуссия, связанная с биоэтической проблематикой, в частности, с допустимостью эвтаназии. Она обнаружила одну принципиальную особенность современной моральной практики и этической теории.

Эвтаназия представляет собой самую типичную и показательную человеческую ситуацию, которая не поддается нормированию. Дело не в том, что по ее поводу в обществе нет единства на уровне нормы, а аргументы специалистов «за» и «против» уравнивают друг друга. Дело в том, что речь идет о такой ситуации, которую в принципе нельзя подвести под общую норму. Любое решение является правильным, если оно принято правильно — теми, кого оно действительно касается и в пределах индивидуально-ответственного поведения, без фальсификации и привходящих моментов, попирающих самоцельность человеческой личности. Получается: не решение выводится из правила, а правило закрепляет решение. Индивид или индивиды, принимающие решения относительно самих себя, выступают в то же время субъектами этически ответственных суждений: они решают, что им делать, и самим этим фактом одновременно формулируют закон поведения.

Проблемы типа эвтаназии, которых в жизни современного человека становится все больше, можно назвать открытыми моральными проблемами. Их решение является в то же время формой развития этической теории. Они заключают в себе вызов этике: от последней требуется, чтобы она была в первую очередь этикой поступков — не правил, не добродетелей даже, а именно поступков. Адекватного ответа на этот вызов пока нет.

Каковы проблемы, которые существуют в области этики – те, над которыми могут продуктивно работать философы, занимающиеся этикой?

Существуют проблемы, которые требуют специальных исследований. Их много, они ставятся, обсуждаются, решаются в дипломных работах, диссертациях, статьях, книгах. Что касается философских проблем, то их тоже немало. Но есть среди них одна, которая, на мой взгляд, является самой важной и самой насущной – создание новой философии морали. Такой философии морали, которая базировалась бы на фундаментальных достижениях в познании морали, сделанных в постклассической этике и отражающих ее современный уровень. О каких достижениях идет речь? Их несколько. Попробую все назвать.

Первое. Мораль связана с представлением об абсолютных ценностях таким образом, что абсолютная точка отсчета и основа сознательной человеческой деятельности только и может считаться моралью. Эта мысль сама по себе не нова, она была, например, исходной аксиомой этики Канта. Однако она получила новое подтверждение и звучание в отрицательных результатах интеллектуальных и исторических опытов морального нигилизма. Оказалось: отрицание морали невозможно как логически последовательное действие и всегда содержит в себе скрытую моральную предпосылку. Человеческое сознание и познание изначально и неустранимо сковано этико-аксиологическим обручем. Даже ориентация на истину является вторичным актом по отношению к ценностному выбору, санкционирующему истину в качестве истины – того абсолютного ориентира, который направляет познавательную деятельность. Негативным подтверждением абсолютности морали являются также тоталитарные опыты морального нигилизма, которые оказались саморазрушительными для тех, кто их затеял.

Второе. Реально бытующее в обществе моральное сознание, в особенности в ее официальных проявлениях, имеет превращенную форму, оно не столько выражает действительную моральность человека и общества, сколько искажает, прикрывает и приукрашивает ее. Когда утверждают, что нельзя доверять тому, что человек и общество говорят и думают про себя, то прежде всего речь идет об их моральном самосознании, склонности к моральной демагогии.

Третье. Мораль не поддается определению, она элементарна и в своей элементарности тождественна самой себе. Все предпринимавшиеся в истории философии попытки ее описания содержат в себе логический дефект или натуралистическую ошибку, как ее назвал Дж. Мур в своем знаменитом исследовании «Принципы этики», которому мы и обязаны этим открытием. К схожему заключению пришел и Л. Витгенштейн в своей «Лекции по этике», сказав, что мораль не уместается в языке и что о ней, как и религии, можно только молчать.

Четвертое. Моральная позиция и ответственность человека связаны не с содержанием совершаемых им поступков, а с самим фактом их

совершения. Поступок нравственно вменяем человеку не в силу его единичности, серийности, соответствия норме, а в силу его единственности, только по той одной причине, что он есть поступок данного человека. Эту мысль всесторонне разработал М.М Бахтин в сочинении «К философии поступка». Ее афористически точно он выразил так: меня обязывает не содержание обязательства, а моя подпись под ним.

Каждый из этих выводов отражает существенную и в то же время специфичную особенность морали в том виде, в каком она обнаруживается в опыте современного человека. И каждый из них аргументирован и выстрадан философской этикой последних двух столетий с такой глубиной и силой, что их можно считать доказанными. Однако они разбросаны, упрятаны в различных, часто противостоящих друг другу философских традициях. И вообще кажется, что они, как, например, утверждения об абсолютности морали и ее тождественности с уникальностью персональных поступков, несовместимы между собой, не могут быть определениями одного и того же предмета. Необычайная трудность задачи, на мой взгляд, состоит в том, чтобы разработать такую этическую теорию, в рамках которой эти противоречивые определения морали органически соединились бы как необходимые моменты целого.

Словом, состояние этики в настоящее время такое, что она упирается в необходимость новой систематизации. Этика в данном случае является лишь индикатором некоего общего процесса моральной дезориентированности, угрожающего самим основам исторического существования человека. Я бы сказал так. Все кругом кричит о том, что мы нуждаемся в новом понимании, новом философском образе морали. Но чтобы выработать его, нам нужен новый моральный образ философии.

Все это — задачи исторического масштаба. Они выходят за рамки возможностей научно-организационного регулирования, академических, национальных или иных программ.